

УДК 316.723
ББК 60.52
К64

GARAGE

В оформлении обложки использована картина художника Виталия Лукьянца «Петрозаводское диво», впервые напечатанная в журнале «Техника — молодежи» в 1980 году.

Конаков Алексей
Убывающий мир: история «невероятного» в позднем СССР. — М.:
Музей современного искусства «Гараж», 2022. — 236 с.

ISBN 978-5-6045383-8-8

Поразительное разнообразие «невероятных феноменов» в СССР — характерная черта эпохи застоя. Идеи о скрытых резервах тела и тайных способностях мозга, о поисках снежного человека и о контакте с внеземными цивилизациями захватывали воображение множества советских граждан. Впрочем, в этой книге исследователь позднесоветской культуры и литературы Алексей Конаков изучает не столько «невероятные феномены» сами по себе, сколько особый дискурс о «невероятном» — историческая траектория которого удивительным образом совпала со становлением и упадком советской технической интеллигенции и советского технооптимизма в целом.

Все права защищены
© Алексей Конаков, текст, 2022
© Андрей Кондаков, макет, 2022
© Музей современного искусства «Гараж», 2022

Оглавление

Пролог. «Советское невероятное»	7
Меридиан «А» (имени М. М. Агреста)	25
Глава 1. Софт-милитантность «невероятного»	27
Глава 2. Новые горизонты и новые объекты	47
Глава 3. Остановка «космического фронта»	69
Меридиан «Б» (имени В. В. Бродова)	93
Глава 4. Экзотические плоды советского экспансионизма	95
Глава 5. Развитой социализм и общество потребления здоровья	115
Глава 6. Многоликая криптобуржуазность	137
Меридиан «В» (имени Л. Л. Васильева)	161
Глава 7. «Церебральный энтузиазм»	163
Глава 8. Парапсихологический НИИ-андеграунд ...	185
Глава 9. Эмансипация экстрасенсов	207
Эпилог. Слияние «невероятных» меридианов	229

Пролог. «Советское невероятное»

Данная работа представляет собой попытку реконструировать и описать один довольно специфический дискурс — дискурс о «невероятном» (или просто «советское невероятное»). Дискурс этот хорошо знаком любому, кто специально интересовался советским прошлым или просто жил в то время и помнит постоянные разговоры об экстрасенсах, йогах, внеземных цивилизациях, снежном человеке, Тунгусском метеорите и т.д. Граждане СССР активно обсуждали подобные темы, и такой интерес, с одной стороны, кажется курьезным и маргинальным, а с другой стороны, явно указывает на что-то важное — и в социальном устройстве, и в политической ситуации, и в идеологическом климате эпохи. В качестве особого, внятно очерченного феномена «советское невероятное» начало складываться почти сразу после Великой Отечественной войны, широко распространилось во время хрущевской оттепели, стало более изощренным и разнообразным в период брежневского застоя и достигло пика популярности вместе с горбачевской перестройкой; таким образом, оно присутствовало в жизни советского общества на протяжении всего исторического периода позднего социализма. Как следствие, культурная продукция тех лет оказалась буквально начинена многочисленными фрагментами этого дискурса: в повести советского прозаика возникают тайны Атлантиды, в стихах советского поэта мелькает летающая тарелка, страницы известного журнала хранят жар дискуссий о снежном человеке, во всенародно любимых кинокартинах запросто упоминают телепатию, а по центральному телевидению демонстрируют фильмы про индийских йогов, кожное зрение и загадку мумиё.

Выбранное нами название дискурса неслучайно — оно должно отсылать к знаменитой научно-популярной телепередаче «Очевидное — невероятное», выходявшей с 1973 года. Главной целью «Очевидного — невероятного» было научное просвещение телезрителей; передачу вел доктор физико-математических наук Сергей Капица (сын нобелевского лауреата, академика АН СССР Пе-

тра Капицы), и начиналась она с цитаты из Пушкина: «О, сколько нам открытий чудных / Готовит просвещения дух / И опыт, сын ошибок трудных, / И гений, парадоксов друг...». При этом в студии периодически обсуждались довольно рискованные (и не очень близкие к строгой науке) темы вроде тайны Бермудского треугольника, собеседниками Капицы могли стать и поклонник телепатии Александр Спиркин, и исследователь НЛО Владимир Ажажа, а для музыкального сопровождения использовалась мелодия из нашумевшего западногерманского документального кинофильма «Воспоминания о будущем», посвященного палеовизиту (теории о посещении инопланетянами Земли в древнейшие времена) в версии Эриха фон Дэникена. Созданное на заре развитого социализма, «Очевидное — невероятное» несло на себе характерный отпечаток эпохи: ультрасовременный (телевизионный!) просветительский проект, довольно деликатный по отношению к слушателям (если сравнивать с напором первых сталинских лекторов из общества «Знание»), призванный организовать культурный досуг (проблема, обнаружившая себя после введения в СССР пятидневной рабочей недели в 1967 году¹) — и в связи с этим почти неизбежно сползающий в «занимательность», начинающий причудливо сочетать информацию о несомненных научных достижениях с разнообразными пара- и псевдонаучными «загадками» и «тайнами», легко увлекающими аудиторию. В перестройку именно такое сочетание общего просвещенческого пафоса и нездоровой сенсационности отдельных сюжетов объявят характерной чертой застоя; и хотя перестроечные клише о «режиме максимального благоприятствования», которым якобы пользовались в период застоя скандальные темы (экстрасенсы, снежный человек, чудовище озера Лох-Несс и не в последнюю очередь НЛО)², вряд ли справедливы, сами по себе дискуссии и споры о «невероятных феноменах» вроде снежных людей и летающих тарелок действительно были важной особенностью позднесоветской жизни.

1 Ушакин С. Сервантики застоя: о красоте и пользе советского вещизма. // Это было навсегда. Гос. Третьяковская галерея. — М., 2020. С. 78–80.

2 Платов Ю., Рубцов В. НЛО и современная наука. — М.: Наука, 1991. С. 64.

Впервые сталкиваясь с публичным бытованием всех этих «невероятных феноменов», трудно избежать некоторого замешательства и растерянности перед их *поразительным многообразием*. Пучины морей, вершины гор, глубины космоса, потемки древних цивилизаций, скрытые резервы тела и тайные способности мозга — каждый раз, когда речь заходит о «невероятном», оно изумляет именно своей пестротой и избытием. Такое избытие заразительно; кажется, даже самое случайное прикосновение к этому дискурсу тут же влияет на синтаксис пишущего, заставляет монотонно перечислять «загадки», нанизывать друг за другом однородные члены предложения: «Я готов принять, что есть на свете явления, которые трудно объяснить. Что такое, например, шаровая молния, явление Фединга, Тунгусский метеорит, телепатия...», — перебирает слова Виктор Некрасов³; «Я вспоминаю мифы нашего времени: Снежный человек. Сигналы из Вселенной. Тунгусский метеорит. Каналы Марса. Телепатия. Атлантида», — ведет счет Даниил Гранин⁴; «Есть вещи, о которых до сих пор писать было как-то не принято, но о которых знали все. Вы когда-нибудь лечились у экстрасенса? Ну не вы, так ваш родственник? Не пытались спасти свое здоровье, питаясь исключительно сырой капустой или выливая поутру на голову ушат ледяной воды? Не слушали затаив дыхание о звездных пришельцах, снежных людях и знаменитой Джуне, “воскрешавшей” почти из небытия наших престарелых руководителей? Не пытались на отдыхе в горах вступить в “энергетический контакт” с космосом? Не стремились постичь оккультную загадочность “Ста веков” Глазунова — что это, пророчество или, наоборот, прозрение в глубины прошлого? Я не верю, чтобы в интеллигентной компании не оказалось хотя бы одного йога или поклонника ушу», — описывает разнообразие «невероятного» религиовед Борис Фаликов⁵. Здесь же надо добавить, что почти любое понятие в «советском невероятном»

3 Некрасов В. Случай на Мамаевом кургане. // Новый мир, № 12, 1965. С. 49.

4 Гранин Д. Месяц вверх ногами. // Собрание сочинений. Т. 2. — Л.: Художественная литература, 1979. С. 226.

5 Фаликов Б. Неомистицизм в СССР. // На пути к свободе совести. — М.: Прогресс, 1989. С. 478.

ном» имело множество версий и вариантов. «Дыхание» могло быть «дыханием индийских йогов», «дыханием по Стрельниковой», «дыханием по Бутейко» и «дыханием по Гневушеву». «Вода» оказывалась «магнитной водой» Вилли Классена, «заряженной водой» Аллана Чумака, ледяной водой Порфирия Иванова и «поливодой» Бориса Дерягина. Что же касается Тунгусского метеорита, то количество гипотез, объясняющих это явление, к началу семидесятых составляло более полусотни.

Но как изучать столь пестрое множество тем? Можно ли объединять эти темы в рамках одного исследовательского поля? Есть ли что-то минимально общее между шаровой молнией и сырой капустой, снежным человеком и летающими тарелками, Джунгой и каналами Марса? И как найти это общее, если оно действительно существует? (Если же его нет, то на каком основании предлагается реконструировать *единый дискурс* о «советском невероятном»?)

Удобным инструментом для разрешения подобной ситуации может оказаться концепция «семейных сходств», предложенная Людвигом Витгенштейном: «Рассмотрим, например, процессы, которые мы называем “играми”. Я имею в виду игры на доске, игры в карты, с мячом, борьбу и т. д. Что общего у них всех? — Не говори: “В них должно быть что-то общее, иначе их не называли бы играми”, но присмотришься, нет ли чего-нибудь общего для них всех. — Ведь, глядя на них, ты не видишь чего-то общего, присущего им всем, но замечаешь подобия, родство, и притом целый ряд таких общих черт. <...> Я не могу охарактеризовать эти подобия лучше, чем назвав их “семейными сходствами”, ибо так же накладываются и переплетаются сходства, существующие у членов одной семьи: рост, черты лица, цвет глаз, походка, темперамент и т. д. и т. п. — И я скажу, что “игры” образуют семью»⁶. По нашему мнению, многочисленные «невероятные феномены», широко обсуждавшиеся публикой в позднем СССР, образовывали *связное дискурсивное поле* именно благодаря таким «переплетающимся сходствам». Отыскав эти сходства, можно отличить «советское невероятное» от всего остального и, соответствен-

6 Витгенштейн Л. Философские работы. — М.: Гнозис, 1994. С. 110–111.

но, выделить его в качестве особой исследовательской области. «Не думай, смотри!»⁷ — требует Витгенштейн; внимательно всматриваясь в «невероятное», сравнивая между собой моржевание и веру в инопланетян, поиски йети и изучение телекинеза, фитотерапию и страх перед полтергейстом, мы обнаруживаем «сложную сеть подобию, накладывающихся друг на друга и переплетающихся друг с другом, сходств в большом и малом»⁸. Собственно, основная цель нашего исследования состоит именно в том, чтобы описать эту «сложную сеть подобию», организующую «советское невероятное» как особую семью. «Семью идей», в которой есть свои патриархи и свои бастарды, ближайший круг и далекие кумовья, великолепные браки и подозрительные мезальянсы; семью, разбросанную во времени и пространстве, но всегда объединенную множеством «фамильных черт», передающихся самым разным образом — то от отца к сыну, а то от дяди к племяннику.

И одна из главных загадок этой многочисленной семьи связана с ее *популярностью* — значительной уже в пятидесятые годы, еще более высокой в шестидесятые-семидесятые и поставившей настоящие рекорды в конце восьмидесятых. Действительно, в силу каких причин возник (и сохранялся на протяжении четырех десятилетий) интерес советского общества к «невероятному»? Почему граждан эпохи позднего социализма так привлекали нездешние тайны телепатии и Атлантиды? И почему на самом излете СССР многие хорошо образованные люди стали вдруг посещать целителей и «заряжать воду» на телесеансах Аллана Чумака?

На такие вопросы неоднократно пытались ответить, и вот несколько популярных ответов (являющихся на самом деле вариациями одной и той же идеи): «Многолетнее господство натурализма, который в советский период был ориентирован на философию диалектического материализма, породило реакцию — тоску по духовному, жажду веры»⁹, «падение коммунистической идеологии (являвшейся, по выражению Питирима Соро-

7 Там же. С. 111.

8 Там же. С. 111.

9 Фесенкова Л. Сциентизация эзотерики и псевдонаука. // Социологические исследования, № 2, 2004. С. 92.

кина, светской религией) привело к образованию у советского человека духовного вакуума, аномии, чувства опустошенности, которые заполняются не только деятельностью различных религиозных институций, но и за счет умножения моделей мира альтернативными науке истолкованиями¹⁰, «оккультное возрождение должно рассматриваться прежде всего как следствие семи десятилетий принудительного подавления метафизического мышления в России. Духовный вакуум, вызванный падением Коммунизма, вместе с традиционно сильной склонностью к вере помогает объяснить влияние убеждений, не связанных с общепринятыми религиями»¹¹.

Что не так с этими ответами?

Дело в том, что перед нами абсолютно *метафизические объяснения*. По сути, здесь заново используется старинная (восходящая через Рабле к Аристотелю) натурфилософская максима *Natura abhorret vacuum*: как вода, «боясь» пустоты, идет за поршнем насоса, так и советские граждане, утратив вдруг идею коммунизма, бросаются заполнять идеологический вакуум агни-йгой и летающими тарелками. Очевидно, эта странная «вакуумная» теория «невероятного» вряд ли может быть признана вполне удовлетворительной. Очевидно и то, что теоретическое основание подобных частных интерпретаций нужно искать в более общей мыслительной посылке: приравнивании «невероятного» к религиозному (пусть и нетрадиционному). Собственно, на данный момент это основной способ разговора о «советском невероятном»: Биргит Менцель пишет о советской «оккультуре»¹², Евгений Кучинов делает обзор «эзотерических НИИ Советского Союза»¹³, Илья Кукулин обозначает «невероятное» как «советский нью-эйдж»¹⁴,

10 Романов П., Ярская-Смирнова Е. Социальное как иррациональное? // Новое литературное обозрение, № 1, 2007. С. 216.

11 Menzel B. Introduction. // The New Age of Russia. Occult and Esoteric Dimension. / Edited by Menzel B., Hagemeister M. and Rosenthal B. G. — Verlag Otto Sagner, 2012. Pp. 14–15.

12 Menzel B. Occult and Esoteric Movements in Russia from the 1960s to the 1980s. // The New Age of Russia. P. 169.

13 Кучинов Е. Узлы Квесалида: путеводитель по эзотерическим НИИ Советского Союза. URL: <https://sreda.v-a-c.org/read-01-ru/>.

14 Кукулин И. Периодика для ИТР: советские научно-популярные журналы и моделирование интересов позднесоветской научно-технической интеллигенции. // Новое литературное обозрение, № 3, 2017.

Александр Панченко рассуждает об «эре Водолея для строителей коммунизма»¹⁵, а Николай Митрохин связывает «религиозность и паранауку в СССР»¹⁶. У подобного подхода есть своя (уже довольно почтенная) история; можно вспомнить, что еще в 1989 году, в известном сборнике «На пути к свободе совести», составленном Дмитрием Фурманом и отцом Марком (Смирновым), упоминавшийся выше Борис Фаликов описывал «невероятное» как «неомистицизм в СССР»¹⁷; можно отступить еще дальше и указать на важную книгу 1965 года «Современная мистика в свете науки», на страницах которой главный советский специалист по научному атеизму Михаил Шахнович интерпретировал исследование телепатии и палеовизита в качестве манифестаций именно религиозного сознания¹⁸.

При всей значимости упомянутых работ и множестве действительно важных выводов, сделанных в них, мы считаем, что использование религиозоведческой терминологии («нью-эйдж», «окультура», «эзотерика», «мистицизм» и т. п.) направляет анализ «советского невероятного» по принципиально неверному пути. «Жажда веры» и «духовный вакуум» не имели почти никакого отношения к формированию и последующему функционированию дискурса о «невероятном» — однако для понимания этого необходимо указать на социальную сверхдетерминированность данного дискурса и на его *классовую принадлежность*.

Разумеется, в СССР всегда существовали группы людей, чью деятельность проще всего описывать как религиозную: это и жители глухих деревень, регулярно прибегавшие к услугам знахарей, и верующие тех или иных традиционных конфессий (от православия до буддизма), и утонченные читатели Рене Генона и Юлиуса Эволы, а также теософы, антропософы, сатанисты, составители гороскопов, поклонники тантрического секса,

15 Панченко А. «Эра Водолея» для строителей коммунизма. // Новое литературное обозрение, № 1, 2018.

16 Митрохин Н. Советская интеллигенция в поисках чуда: религиозность и паранаука в СССР в 1953–1985 годах. // Новое литературное обозрение, № 3, 2020.

17 Фаликов Б. Указ. соч. С. 478.

18 Шахнович М. Современная мистика в свете науки. — Москва-Ленинград: Наука, 1965. С. 172–206.

потребители психоделических веществ и проч¹⁹. Однако все эти группы были сравнительно невелики (а порой и ничтожно малы), а дискурс о «невероятном» никогда не являлся *их дискурсом* (то есть они не играли практически никакой роли в его создании, воспроизводстве и распространении). Возникновение и функционирование «советского невероятного» следует связывать с другой, гораздо более многочисленной и влиятельной социальной группой — *советской городской интеллигенцией*. Продукт ускоренной модернизации России, предпринятой сталинизмом, городская интеллигенция была очень разной; после завершения Великой Отечественной войны самой заметной ее частью оказались знаменитые «итээры», инженерно-технические работники (ИТР), призванные продолжать амбициозный проект индустриального строительства в СССР. Согласно классическому исследованию Веры Данэм, эта группа выдвинулась в результате так называемой «большой сделки» (*big deal*) — процесса *покупки лояльности* технических специалистов, инициированного во второй половине сороковых годов сталинским Политбюро, искавшим социальную опору в условиях послевоенной нестабильности²⁰. Чуть позже, в начале пятидесятых, начался «лавинообразный рост числа молодых инженеров и научных исследователей»²¹, связанный как с необходимостью решения ряда конкретных задач по укреплению обороноспособности страны в условиях холодной войны (речь здесь следует вести прежде всего о советском атомном проекте), так и с более общими потребностями стремительно развивающейся и усложняющейся плановой экономики. Как полагает Кэтрин Вердери, роль интеллектуала вообще гораздо важнее именно в коммунистических режимах²²; восхождение класса советских научно-технических работников привело к тому, что взгляды этого класса на прошлое, настоящее и будущее стали чрезвычайно

19 Menzel B. Occult and Esoteric Movements in Russia from the 1960s to the 1980s.

20 Dunham V. In Stalin's Time. Middleclass values in Soviet Fiction. — Duke University Press Books, 1990. Pp. 3–23.

21 Кукулин И. Указ. соч. С. 61.

22 Verdery K. National Ideology under Socialism. — Berkley University of California Press, 1995. P. 85.

широко распространены в позднесоветском обществе, стали, по сути, взглядами самого этого общества. Вот почему и за лабильными «семейными сходствами» тех или иных «невероятных феноменов» почти всегда угадывается (вполне устойчивая) физиономия *конкретной социальной страты*.

Именно эта страта — выпускники технических вузов, работники множества НИИ и КБ, бесчисленные младшие и старшие научные сотрудники, лаборанты и аспиранты, кандидаты и доктора наук, членкоры и академики, читатели научно-фантастических произведений, зрители научно-популярных фильмов и передач, подписчики и авторы научно-популярных журналов, прогрессивные мечтатели и технооптимисты — и оказалась той особой средой, в которой создавался, развивался и распространялся дискурс о «невероятном». И хотя отдельные исследования «невероятного» велись советскими учеными и в довоенное время, только в пятидесятые годы, вследствие уже упомянутого роста числа ИТР, увеличения тиражей научно-популярных журналов и научно-популярных книг, общего роста внимания к научному знанию и к (по-настоящему выдающимся) научным достижениям Советского Союза, дискуссии о «невероятном» становятся массовым, социально и культурно значимым явлением. При этом — несмотря на то, что решающую роль в формировании дискурса о «невероятном» играли научные работники и технические специалисты, — сам дискурс не был узкопрофессиональным; наоборот — он был публичным и инклюзивным. Говоря о «советском невероятном», мы говорим не о фактах науки или техники, но о *фактах культуры* — массовой популярной культуры периода позднего социализма, выражавшей ценности и устремления класса советских ИТР.

Тем не менее специфическая классовая принадлежность вела к тому, что важной особенностью дискурса о «невероятном» оказывалась его изначальная переплетенность, спутанность с дискурсом научного просвещения и научных успехов СССР²³. Советский культ

23 Голубев А. НЛО над планетарием: эпистемологическая пропаганда и альтернативные формы знаний о космосе в СССР в 1940–1960 годы. // Вестник Пермского университета. История, № 3 (54), 2021.

науки часто связывают с эпохой хрущевской оттепели, однако на самом деле он был почти целиком инициирован сталинизмом, остро нуждавшимся в миллионах специалистов для решения военно-промышленных задач: Всесоюзное общество «Знание» с тысячами лекторов, просвещавших население, создано в 1947 году, многие известные научно-популярные журналы начали выходить задолго до 1953 года («Знание — сила» выходит с 1926 года, «Техника — молодежи» с 1933-го, «Наука и жизнь» перезапущена в 1934-м, «Вокруг света» — в 1927-м). Ирония в том, что чем дальше, тем чаще эта мощная государственная машина просвещения соединяла проверенное знание с непроверенным и невероятным, а научное — с паранаучным и квазирелигиозным; шедший уже в сороковые и пятидесятые, процесс этот значительно ускорился в шестидесятых, когда на лекциях по астрономии можно было услышать вопросы про летающие тарелки, занятия по антирелигиозной пропаганде завершались разговорами о природе телепатии, а в научно-популярных журналах непринужденно соседствовали строгие статьи ученых, восторженные очерки журналистов, визионерские видения писателей-фантастов и смелые гипотезы рядовых читателей. Однако сама эта склонность к смелым гипотезам (а что, если Тунгусский метеорит состоял из антивещества? а что, если снежный человек был инопланетянином?) тоже была результатом широкой пропаганды просвещения и упорно пестуемых идей о всесиилии науки, была проявлением совершенно особого, нового типа самости²⁴, подразумевающего активное, пытлиное, заинтересованное и исследовательское отношение к окружающей реальности. Дискурс о «невероятном» успешно функционировал и распространялся потому, что в его основании лежал ряд совершенно конкретных «эпистемических добродетелей» (то есть добродетелей, которые «проповедуются и практикуются для того, чтобы познать мир, а не себя»²⁵) — добродетелей, глубоко усвоенных населением СССР и связанных именно

24 Дастон Л., Галисон П. Объективность. — М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 79–85.

25 Там же. С. 85.

с наукой, с признанием ценности экспериментального исследования и научного метода в целом.

Дело, таким образом, заключалось вовсе не в недостатке («вакууме»), но в *избытке* — избытке научного оптимизма; и наиболее пронизательные критики «невероятного» уже отмечали этот момент: «Как ни парадоксально, безоглядная вера в чудо была подготовлена и бытовавшей в прошлом массовой небрежной популяризацией достижений советской науки под лозунгами “Мы рождены, чтоб сказку сделать былью” и “Нам нет преград”»²⁶. Вот почему даже в самых обскурантистских проявлениях «советского невероятного» всегда обнаруживается вполне рациональная подоплека. Так, например, популярность «зарядки воды», проводимой экстрасенсом Алланом Чумаком, отнюдь не обязательно свидетельствует о невежестве зрителей, в 1989 году выставлявших банки перед экранами телевизоров. В этой необычной практике советских граждан можно с равными основаниями увидеть и галилеевскую пылливость (интересно, сумеет ли Чумаков действительно «зарядить» воду?), и своего рода паскалевское пари (в случае, если вода «зарядится», станет целебной, возможные выгоды окажутся гораздо больше понесенных издержек), и даже ироничный прагматизм в духе Нильса Бора («подкова приносит удачу независимо от того, верите вы в это или нет»).

Но, повторимся, хотя «советское невероятное» активно апеллировало к успехам науки, само по себе оно располагалось *в области культуры* — и именно поэтому не имеет смысла говорить о проблеме демаркации (строгом отделении друг от друга научных, псевдонаучных и религиозных элементов) в отношении «невероятного». Мало того что современные нам версии отделения научного от ненаучного чаще всего *не соответствуют* картине мира советских людей (так, например, в сороковые годы растительный покров Марса считался чем-то гораздо более реальным, чем запуск человека в космос; исследования телепатии велись тогда же, когда запрещалась генетика, и проч.) — сам факт такого

26 Александров Е. Проблемы экспансии лженауки. // В защиту науки. Бюллетень № 1, 2006. С. 15.

отделения ведет к утрате специфики и к распаду контекста, и мы рискуем упустить что-то важное в идейном и культурном универсуме позднесоветского человека. Человека, жившего и работавшего в очень своеобразной атмосфере (соединявшей исторический оптимизм марксизма-ленинизма с триумфальным шествием естественных наук), где *равно вероятными* — а значит, и равно «невероятными» — казались запуск ракет и прилет инопланетян, миры из антиматерии и жизнь на Марсе, свойства изотопов и существование биополя, лазерная хирургия глаза и лечение ледяной водой, небелковые формы жизни и целебное дыхание йогов, поимка нейтрино и гибель Атлантиды, черные дыры и палеовизит, токамак и телекинез. Все эти феномены, выглядящие сегодня столь непохожими, запросто объединялись в сознании советских ИТР благодаря двум «фамильным чертам»: во-первых, они были загадочными; во-вторых, они непременно *подлежали разгадке*. («Необъяснимо? Пока да»²⁷, — гласит в 1967 году заголовок статьи в журнале «Смена», посвященной съезду парапсихологов в Москве; именно модус «пока», каждую минуту готового перейти в «уже», определял внутреннее напряжение, присущее «советскому невероятному» и делающее его столь привлекательным.) Иногда околонучный, а иногда почти фантастический, дискурс о «невероятном», однако, питался именно верой советских граждан во всемогущество науки и техники; класс научно-технических работников, к концу пятидесятых годов успешно решивший критически важные для безопасности СССР вопросы создания межконтинентальных ракет и атомного оружия²⁸, не без оснований чувствовал себя творцом истории, и потому с азартом коллекционировал *любые* возможные тайны (будь то странные радиосигналы из созвездия Пегаса или лечебные эффекты акупунктуры) — тайны, которые *предстояло раскрыть*, основываясь на строгом знании законов природы. Как писал в 1961 году Даниил Данин: «Детерминизм диалектический — подлинный, марксовый, ленинский <...> не

27 Необъяснимо? Пока да. // Смена, № 952, 1967. С. 28–29.

28 Josephson P.R. Rockets, Reactors, and Soviet Culture. // Science and the Soviet Social Order. / Edited by Graham L.R. — Harvard University Press, 1990. Pp. 168–194.